

9	0091	НИКОЛАЙ МИНСКИЙ	"Узник"
---	------	-----------------	---------

"Узник" (Коренблит – Минский)

От собеседника

Николай Минский (Виленкин) начинал творческий путь в "глухие" годы 19 века (как это нам знакомо!), поэтому серьёзной благосклонности от окружения ожидать не приходилось. Его творчество относится к ранним символистам или предтечам его, хотя в это же время оканчивали своё творчество А. Фет, А. Апухтин, С. Надсон и др. известные поэты, но именно Н.М. относят к одному из основоположников Русского Символизма. Основным мотивом его стихов был поверженный, проигравший в борьбе человек, которому не суждено вырваться из неволи Судьбы. Однако сам поэт, как и многие в ту пору представители интеллигенции всё-таки вступил в борьбу с режимом, в результате чего он был вынужден покинуть родину навсегда. В этом вижу ещё одно доказательство того, что каждый должен заниматься исключительно своим делом.

"Узник" - очень понятное для россиян понятие, даже человек находящийся "на свободе" чувствует свою неволю. Она окружает его всюду, даже в собственном доме. Творец же вдобавок остро ощущает заключение души в непреодолимые обстоятельства своего положения - житель России.

Ваш Станислав Коренблит

1. Призывы	- 1.13
2. Волна	- 0.53
3. Падучая звезда	- 1.39
4. Насыщение	- 1.25
5. Серенада	- 1.34
6. Надежда	- 1.43
7. Я боюсь	- 1.06
8. Мольба	- 1.04
9. Я ухожу	- 1.32
10. Боль души	- 1.42
11. Заветное сбылось	- 1.44
12. Утешение	- 1.40
13. Мой демон	- 2.10
14. Молитва	- 1.53
15. Узник	- 1.47
16. Поэту	- 1.04
17. Таинственный народ	- 2.20
18. Наше горе	- 1.04
19. Не тревожься	- 1.56
20. Я верю	- 1.29
21. Познание	- 1.30
22. Мираж	- 3.45
<i>Общее время звучания – 36.13</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПРИЗЫВЫ

На серебре зари, на дали нежно-синей
 Листва олив сплелась в прозрачные шатры.
 И зелень их светла, как предвечерний иней,
 Сквозит, как кружево, и тает, как пары.

Она слилась в одно своею тенью бледной,
И раньше, чем заря, все ярче и мертвей,
Погасла за горой с тревожностью бесследной,
Уже разлился мир средь масличных ветвей.

И роща спит давно. Когда же в мрак серебристый
Случайно долетит вечерний луч иль звук,
Он в дым и в тишину преобразится вдруг:

Далекой меди звон, потоков голос чистый,
Призывы робкие из тьмы незримых гнезд.
Прощальный лепет птиц и первый трепет звезд.

2. ВОЛНА

Нежно-бесстрастная,
Нежно-холодная,
Вечно подвластная,
Вечно свободная.

К берегу льнущая,
Томно-ревнивая,
В море бегущая,
Вольнолюбивая.

В бездне рожденная,
Смертью грозящая,
В небо влюбленная,
Тайной манящая.

Лживая, ясная,
Звучно-печальная,
Чуждо-прекрасная,
Близкая, дальняя...

3. ПАДУЧАЯ ЗВЕЗДА

Не месяц за его печаль и красоту,
Не солнце за его порфиру золотую,
Я полюбил падучую звезду,
Я полюбил небес изгнанницу больную.

Среди надменных звезд, сверкавших без числа,
Горевших, как венцы, струившихся, как реки,
Она слезой по небу потекла,
И в этот миг ее я полюбил навеки.

О, жаркая слеза полуночи немой,
Упавшая на грудь холодного эфира -
Куда, куда, объята вечной тьмой,
Ты, одинокая, летишь пустыней мира?

Мой Гений плачущий, прикованный к земле,

Тебе во след глядит с молитвой сокровенной:
 О, если б и ему блеснуть во мгле
 И жаркою слезой упасть на грудь вселенной!

4. НАСЫЩЕНИЕ

Насытил я свой жадный взор
 Всем тем, что взор считает чудом:
 Песком пустынь, венцами гор,
 Морей кипящим изумрудом.

Я пламя вечное видал,
 Блуждая степью каменистой.
 Передо мной Казбек блистал
 Своею митрой серебристой.

Насытил я свой жадный слух
 Потоков бурных клокотаньем
 И гроз полночных завываньем,
 Когда им вторит горный дух.

Но шумом вод и льдом Казбека
 Насытить душу я не мог.
 Не отыскал я человека,
 И не открылся сердцу Бог.

5. СЕРЕНАДА

Тянутся по небу тучи тяжелые,
 Мрачно и сыро вокруг.
 Плача, деревья качаются голые...
 Не просыпайся, мой друг!
 Не разгоняй сновиденья веселые,
 Не размыкай своих глаз.

Сны беззаботные,
 Сны мимолетные
 Снятся лишь раз.

Счастлив, кто спит, кому в осень холодную
 Грезятся ласки весны.
 Счастлив, кто спит, кто про долю свободную
 В тесной тюрьме видит сны.
 Горе проснувшимся! В ночь безысходную
 Им не сомкнуть своих глаз.

Сны беззаботные,
 Сны мимолетные
 Снятся лишь раз.

6. НАДЕЖДА

Еще я не люблю, - но, как восток зарею,

Уже душа моя печалью занялась,
И предрассветною, стыдливою звездой
Надежда робко в ней зажглась.

Еще я не люблю, - но на тебя невольно,
С чего б ни начинал, свожу я разговор,
И сам не знаю я, отрадно мне иль больно
Встречать задумчивый твой взор.

Еще я не люблю, - но полный тайны сладкой,
Не так, как до сих пор, гляжу на божий свет.
Еще я не люблю, - но уж томлюсь загадкой:
Ты друг, полюбишь или нет?

7. Я БОЮСЬ

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Легкий ветер в кустах вдруг в веселии пьяном
Полетит над землей ураганом...

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Звезды станут недвижно среди темного свода,
И висеть будет ночь без исхода...

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Мое сердце безумья любви ужаснется
И от счастья и муки порвется...

8. МОЛЬБА

В страданиях гордость позабыв,
Я гнул колени пред тобою
И длил униженной мольбою
Давно свершившийся разрыв.
В какой-то призрачной надежде
Шептал я нежные слова,
Так много значившие прежде,
Теперь понятные едва.

Но между тем как я устами
Взывал о жалости к тебе,
В мечтах молился я судьбе,
Чтоб ты не тронулась мольбами,
Чтоб горе бурное зажгло
Мой дух, коснеющий в покое,
Чтоб чувство, все равно какое,
Хоть раз всю душу потрясло,
Чтоб опьянел я, чтоб забылся
От гнета вечной пустоты!

Судьбе недаром я молился:
Моим мольбам не вняла ты.

9. Я УХОЖУ

Прости навек. Без слез и без упрека
В последний раз гляжу я на тебя,
Как в первый день, покорный воле рока,
Тебя люблю и ухожу, любя.

С тобой простясь, до гроба одинока,
Моя душа состарится, скорбя.
С тобой простясь, душа умрет до срока.
Я ухожу, быть может, жизнь губя.

Но вместе быть я не могу с тобою.
В свою любовь всю душу я вложил.
И бог, людей ревнуя, запретил,
Чтобы душа слилась с чужой душою.

Я ухожу, склоняясь пред судьбою,
Лишь оттого, что слишком я люблю.

10. БОЛЬ ДУШИ

Нет муки сладострастней и больней,
Нет ядовитей ласки, жгучей жала,
Чем боль души, которая устала
И спит в гробу усталости своей.

Бессильная, она судьбы сильней.
Кристалльным льдом отравы мысли стала.
Разрешена в созвучии финала
Мелодия безумий и страстей.

Закрыв глаза, она меж сном и явью
Лежит, бесстрастна к славе и бесславию,
И смерть сама не в силах ей грозить.

Когда до срока сердце отстрадало,
Всей вечности могилы будет мало,
Чтоб горечь краткой жизни усыпить.

11. ЗАВЕТНОЕ СБЫЛОСЬ

Заветное сбылось. Я одинок,
Переболел и дружбой, и любовью.
Забыл - и рад забвенью, как здоровью,
И новым днем окрашен мой восток.

Заря! Заря! Проснувшийся поток
Мне голос шлет, подобный славословию.
Лазурь блестит нетронутою новью,
И солнце в ней - единственный цветок.

Сегодня праздник. Примиренный дух
Прощается с пережитой невзгодой.

Сегодня праздник. Просветленный дух
Встречается с постигнутой природой.

Сегодня праздник. Возрожденный дух
Венчается с небесною свободой.

12. УТЕШЕНИЕ

Оно не в книгах мудреца,
Не в сладких вымыслах поэта,
Не в громких подвигах бойца,
Не в тихих подвигах аскета.

Но между тем, как скорби тень
Растет, ложась на все святое, -
Смотри, с востока, что ни день,
Восходит солнце золотое.

И каждый год цветет весна,
Не зная думы безотрадной,
И, солнца луч впивая жадно,
Спешат на волю семена.

И всходы тайной силой пучит,
И вскоре листья рождены,
И ветер ласковый их учит
Шептать название весны.

Душа свершила круг великий,
И вот, вернувшись к детским снам.
Я вновь, как праотец мой дикий,
Молюсь деревьям и звездам.

13. МОЙ ДЕМОН

Нет, никогда с тех пор, как мрачные созданья
Сомнений и тоски тревожат дух людей
Гордыней гневною иль смехом отрицанья,
Или отравною страстей, -

С тех пор, как мудрый Змий из праха показался,
Чтоб демоном взлететь к надзвездной вышине, -
Доныне никому он в мире не являлся
Столь мощным, страшным, злым, как мне...

Мой демон страшен тем, что пламенной печати
Злорадства и вражды не выжжено на нем,
Что небу он не шлет угроз и проклятий
И не глумится над добром.

Мой демон страшен тем, что, правду отрицая,
Он высшей правды ждет страстней, чем серафим.
Мой демон страшен тем, что, душу искушая,
Уму он кажется святым.

Приветна речь его и кроток взор лучистый,
Его хулы звучат печалью неземной.
Когда ж его прогнать хочу молитвой чистой,
Он вместе молится со мной...

14. МОЛИТВА

Прости мне, боже, вздох усталости.
Я изнемог
От грусти, от любви, от жалости,
От ста дорог.

У моря, средь песка прибрежного
Вот я упал -
И жду прилива неизбежного,
И ждать устал.

Яви же благодать мне безмерную
И в этот час
Дай увидеть звезду вечернюю
В последний раз.

Ее лучу, всегда любимому,
Скажу: "прости"
И покорюсь неотвратимому,
Усну в пути.

15. УЗНИК

Сказал я в час полночный:
Весь мир - тюрьма одна,
Где в келье одиночной
Душа заключена.

Томится узник бледный,
И рядом с ним - другой.
Страдания их бесследны,
Безрадостен покой.

Одних безумье губит,
Других тоска грызет.
Но есть и те, кто любит,
Кто любит, тот поет.

Я тот, кто петь умеет
В унынии ночей,
В чьем сердце песня зреет

Без воли, без лучей.

О, знай, мой друг далекий,
Коль слышишь песнь мою:
Я - узник одинокий,
Для узников пою.

16. ПОЭТУ

Не до песен, поэт, не до нежных певцов!
Ныне нужно отважных и грубых бойцов.
Род людской пополам разделился.
Закипела борьба, - всякий стройся в ряды,
В ком не умерло чувство священной вражды.
Слишком рано, поэт, ты родился!

Подожди, - и рассеется сумрак веков,
И не будет господ, и не будет рабов, -
Стихнет бой, что столетия длился.
Род людской возмужает и станет умен,
И спокоен, и честен, и сыт, и учен...
Слишком поздно, поэт, ты родился!

17. ТАИНСТВЕННЫЙ НАРОД

Я вижу вновь тебя, таинственный народ,
О ком так горячо в столице мы шумели.
Как прежде, жизнь твоя - увы - полна невзгод,
И нищеты ярмо без ропота и цели
Ты все еще влачишь, насмешлив и угрюм.
Та ж вера детская и тот же древний ум;
Жизнь не манит тебя, и гроб тебе не страшен
Под сению креста, вблизи родимых пашен.

Загадкой грозною встаешь ты предо мной,
Зловещей, как мираж среди степи безводной.
Кто лучше: я иль ты? Под внешней тишиной
Теченья тайные и дно души народной
Кто может разглядеть? О, как постигнуть мне,
Что скрыто у тебя в душевной глубине?
Как мысль твою прочесть в твоём покорном взоре?
Как море, темен ты: могуч ли ты, как море?

Тебя порой от сна будили, в руки меч
Влагали и вели, куда? - ты сам не ведал.
Покорно ты вставал... Среди кровавых сеч
Не раз смущенный враг всю мощь твою изведal.
Как лев бесстрашный, ты добычу добывал,
Как заяц робкий, ты при дележе молчал...
О, кто же ты, скажи: герой великодушный,
Иль годный к битве конь, арапнику послушный?

18. НАШЕ ГОРЕ

Не в ярко блещущем уборе
 И не на холеном коне
 Гуляет-скачет наше Горе
 По нашей серой стороне.
 Пешком и голову понуря,
 В туманно-сумрачную даль
 Плетется русская печаль.
 Безвестна ей проклятий буря,
 Чужда хвастливая тоска,
 Смешна кричащая невзгода.

Дитя стыдливого народа,
 Она стыдлива и робка,
 Неразговорчива, угрюма,
 И тяжкий крест несет без шума.
 И лишь в тени родных лесов,
 Под шепот ели иль березы,
 Порой вздохнет она без слов
 И льет невидимые слезы.
 Нам эти слезы без числа
 Родная муза сберегла...

19. НЕ ТРЕВОЖЬСЯ

Не тревожься, недремлющий друг,
 Если стало темнее вокруг,
 Если гаснет звезда за звездой,
 Если скрылась луна в облаках,
 И клубятся туманы в лугах:
 Это стало темней - пред зарею...

Не пугайся, неопытный брат,
 Что из нор своих гады спешат
 Завладеть беззащитной землею,
 Что бегут пауки, что, шипя,
 На болоте проснулась змея:
 Это гады бегут - пред зарею...

Не грусти, что во мраке ночном
 Люди мертвым покоятся сном,
 Что в безмолвии слышны порою
 Только глупый напев петухов
 Или злое ворчание псов:
 Это - сон, это лай пред зарею...

20. Я ВЕРЮ

Быть может, мир прекрасней был когда-то,
 Быть может, мы отвержены судьбой.
 В одно, друзья, в одно я верю свято,
 Что каждый век быть должен сам собой.

Нет, за свою печаль, свою тревогу
 Я не возьму блаженства прошлых дней.
 Мы, отрицая, также служим богу,
 Как наши предки - верою своей.

Пускай мы пьем из ядовитой чаши.
 Но если бог поставил миру цель,
 Без нас ей не свершиться. Скорби наши -
 Грядущих ликований колыбель.

Мои сомненья созданы не мною,
 Моя печаль скрывается в веках.
 Знать, вера предков родилась больною
 И умереть должна у нас в сердцах.

Из рук судьбы свой крест беру смиренно,
 Сомнений яд хочу испить до дна.
 Лишь то, чем мы живем, для нас священо -
 И пусть придут иные времена!

21. ПОЗНАНИЕ

Кто бога узрит, тот умрет.
 А бог везде: в песчинке малой,
 В звезде, чей недвижим полет,
 В живой душе, в душе усталой.

Кто бога узрит, тот умрет.
 Кто зряч, тот видит только бога.
 Пред ним, как стража у порога,
 Смерть день и ночь стоит и ждет.

Кто бога узрит, тот умрет.
 С моих очей завеса спала.
 Среди слепых один я тот,
 Кто видит цели и начала.

Кто бога узрит, тот умрет.
 Я - тот, кто смерть постиг при жизни,
 Кто грозный праздник божьей тризны
 В себе и в мире познает.

22. МИРАЖ

Как сон, пройдут дела и помыслы людей.
 Забудется герой, истлеет мавзолей
 И вместе в общий прах сольются.
 И мудрость, и любовь, и знанья, и права,
 Как с аспидной доски ненужные слова,
 Рукой неведомой сотрутся.

И уж не те слова под тою же рукой -

Далёко от земли, застывшей и немой, -
Возникнут вновь загадкой бледной.
И снова свет блеснет, чтоб стать добычей тьмы,
И кто-то будет жить не так, как жили мы,
Но так, как мы, умрет бесследно.

И невозможно нам предвидеть и понять,
В какие формы Дух оденется опять,
В каких созданных воплотится.
Быть может, из всего, что будит в нас любовь,
На той звезде ничто не повторится вновь...
Но есть одно, что повторится.

Лишь то, что мы теперь считаем праздным сном -
Тоска неясная о чем-то неземном,
Куда-то смутные стремленья,
Вражда к тому, что есть, предчувствий робкий свет
И жажда жгучая святынь, которых нет, -
Одно лишь это чуждо тленья.

В каких бы образах и где бы среди миров
Ни вспыхнул мысли свет, как луч среди облаков,
Какие б существа ни жили, -
Но будут рваться вдаль они, подобно нам,
Из праха своего к несбыточным мечтам,
Грустя душой, как мы грустили.

И потому не тот бессмертен на земле,
Кто превзошел других в добре или во зле,
Кто славы хрупкие скрижали
Наполнил повестью, бесцельною, как сон,
Пред кем толпы людей - такой же прах, как он, -
Благоговели иль дрожали, -

Но всех бессмертней тот, кому сквозь прах земли
Какой-то новый мир мерещился вдали -
Несуществующий и вечный,
Кто цели неземной так жаждал и страдал,
Что силой жажды сам мираж себе создал
Среди пустыни бесконечной.